И. Е. Марголина
Кандидат исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе Национального заповедника «София Киевская»

Святитель Димитрий Ростовский в истории Кирилловского монастыря

В январе 2007 года исполнилось 310 лет с того времени, как св. Димитрий Ростовский, в миру Даниил Туптало, стал игуменом киевского Кирилловского Свято-Троицкого монастыря.

Изначально главный престол соборного храма монастыря, основанного в XII веке, был посвящен свт. Кириллу Александрийскому. История Кирилловской обители тесно связана с его игуменами. Их деятельность стала тем фундаментом, на котором взрастали справедливость, стойкость, христианская мораль и истинная вера. Возрождение и укрепление монастыря после татаро-монгольского нашествия приходится на конец XVI — XVII столетие. Это период игуменства достойных представителей Православной Церкви в Украине: Василия Красовского, Иннокентия Гизеля, Лазаря Барановича, Мелетия Дзика, Иннокентия Монастырского. С их именами связано сохранение монастыря в тяжелых условиях католической экспансии, особенно усилившейся после Берестейской унии (1596), и общего упадка жизни в период Руины, а также содействие развитию Кирилловского монастыря как религиозно-культурного центра. Знаменитую святительскую традицию обители продолжил св. Димитрий Ростовский.

Слабое здоровье, глубокая религиозность, желание уединиться от мирских опасностей и страстей побудили семнадцатилетнего Даниила с согласия родителей в 1668 году поселиться в старинном, укрепленном самой природой Кирилловском монастыре, который находился на живописной горе в трех верстах от Киева.

Кирилловская церковь. Первоначальный вид в XII в. Макет-реконструкция Ю. С. Асеева. 1947

План Киева, выполненный Иваном Ушаковым. 1695 год. Фрагмент с изображением Кирилловского монастыря

В поисках монашеского уединения Даниил Туптало невольно оказался в эпицентре борьбы за церковный статус Украины, которую идейно поддерживали ведущие украинские монастыри [1]. На территории обители была небольшая каменная церковь, и именно при ней была устроена келья Даниила. 9 июля 1668 года он принял постриг с именем Димитрия от игумена Мелетия Дзика, который своим авторитетом, вероятно, повлиял на решение юноши. В Кирилловский монастырь Мелетия Дзика перевели из ректоров Киево-Могилянского коллегиума, где он был любимым учителем Даниила Туптало. Именно в Кирилловском монастыре завязалась многолетняя дружба между Дзиком и будущим святителем. Когда Димитрий решил отправиться в странствие, Дзик благословил его мощами святой Варвары, а потом состоял в переписке с ним. Всю жизнь он любил своего постриженника как сына. Перед кончиной игумен Мелетий завещал ему два червонца на помин своей души.

В течение восьмилетнего пребывания в монастыре молодой инок был образцом для всей братии в вере и послушании. Кроме обычных для монахов занятий — выполнение предписаний монастырского устава, участие в богослужениях, молитва, чтение Священного Писания, произведений Святых Отцов, выполнение определенного послушания, — он настойчиво работал над самообразованием, формировался как проповедник, много писал, готовил по поручению игумена письменные распоряжения и многое другое. Вероятно, именно в период пребывания в Кирилловском монастыре у Димитрия появилась мысль посвятить свою жизнь церковно-писательской деятельности. Здесь получил развитие его проповеднический талант и вообще те высокие духовные качества, благодаря которым Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, взял его к себе, несмотря на желание кирилловской братии видеть Димитрия иеромонахом в родной обители. Бесспорной заслугой Барановича, по мнению исследователя В. Климова, было его стремление собрать вокруг себя просвещенных личностей, которые могли бы грамотно противостоять католическому богословию, христианскому сектантству, язычеству. Закономерно, что среди этих людей появилось и имя выдающегося просвещенного иеромонаха Димитрия [2].

Позднее, находясь далеко за пределами Кирилловского монастыря, свт. Димитрий упоминает эту обитель, беспокоясь о ее на-

Панорама Кирилловского холма и строений монастыря. Фотография. Кон. XIX в.

сельниках. В его дневнике — «Диарие» — постоянно находим упоминание о кирилловских монахах. Он фиксирует их поездки, записывает даты смерти, то есть неуклонно следит за дальнейшей жизнью монастыря и братии. От них же впервые он получил предложение занять настоятельскую должность, но отклонил его. Подтверждение находим в дневнике самого святителя: *«1680 год, февраля 21. От преподобных отцов, кирилловских монахов, приехал в Батурин отец Меркурий к гетману с письмами с просьбой обо мне на игуменство, 23 числа я отправил их назад»* [3]. И только после смерти своего друга, игумена Иннокентия Монастырского, Димитрий стал его преемником: *«Января 17 дня, с суботы на воскресенье, в третьем часу ночи, преставился честный старец Иннокентий Монастырский, игумен Кирилловский; по нему я грешный принял игуменство»* [4]. На следующий день, 18 января 1697 года, на память святителей Кирилла и Афанасия Александрийских — святых покровителей обители — он был уже на отпевании покойного в монастыре.

На следующей странице: Монашеский постриг Даниила Туптало. Фреска Димитриевского храма Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. Нач. XIX в.

Св. Кирилл Александрийский.
Иконостас Кирилловской церкви.
Художник М. Врубель.
Вторая пол. XIX в.

В свое время вместе с Иннокентием Монастырским св. Димитрий Ростовский принимал участие в знаменитой дискуссии о пресуществлении Святых Даров между московским и украинским духовенством. На одноименной книге Иннокентия Монастырского существовала надпись, сделанная рукой святителя Димитрия: *«От книги монастыря Кирильського Киевского… в великий пост сие писал блаженный отец Иннокентий Монастырский, игумен Кирильський Киевский»* [5]. По данному вопросу Димитрий разделял взгляды *«Церкви нашей Малороссийской»*. Он поддержал произведение и позицию Монастырского. К сожалению, патриарх Иоаким и его окружение не восприняли взглядов Монастырского и Ростовского, то есть не приняли свежей силы[1].

[1] Поскольку данный вопрос многим кажется несущественным спором по обрядовым разногласиям, представляется необходимым изложить православную точку зрения по этому *«великому делу, о котором говорить и для самых опытных богословов страшно»*, как отозвался об этом участник дискуссии инок Евфимий Чудовский. В 70–80-х годах XVII столетия в Москве возникла острая полемика о времени пресуществления Святых Даров. Суть вопроса сводилась к следующим положениям. Для рационального западного сознания характерно стремление все «разложить по полочкам», все структурировать и объяснить. Это касается и таинственной, сакральной жизни Церкви. Поэтому, например, западные богословы из всех священнодействий Церкви выделили семь важнейших и только их назвали Таинствами. Это Таинства Крещения, Миропомазания, Евхаристии, Покаяния, Священства, Брака, Елеосвящения (соборования). Для того, чтобы установить момент, когда же именно Таинство точно считается совершенным, ими было разработано учение о «тайносовершительной» формуле. Оно сводится к тому, что из всех молитв священника, произносимых при совершении Таинства, выделяются лишь некоторые, самые важные слова, и только по произнесении их Таинство совершается. Так и в отношении Евхаристии католики считали, что Святые Дары пресуществляются в Тело и Кровь Христовы словами Христа, которые Он произнес при установлении этого Таинства: «Придите, ядите, сие есть Тело Мое, яже за вы ломимое во оставление грехов», «Придите, пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы изливаемая во оставление грехов». Это и есть тайносовершительная формула Таинства. Эти же слова произносит священник во время Евхаристического канона на литургии (мессе у католиков). Таким образом, для освящения хлеба и вина становится ненужной молитва призывания Святого Духа, издревле употреблявшаяся как на Востоке, так и на Западе, где была исключена из употребления только в XI веке. Это мнение было догматизировано на Тридентском соборе, который как по продолжительности (он проходил с 1545 по 1563 год), так и по важности для Западной Церкви превзошел все до этого бывшие там соборы. Уча так, католические богословы

В этот период Димитрий активно работает над Житиями святых. На аудиенции у патриарха Иоакима Димитрий подарил ему недавно вышедший первый том. Патриарх был недоволен, что Лавра, следуя сложившейся традиции, издала книгу самостоятельно, предварительно не дав ее на рассмотрение и не испросив патриаршего благословения. Свое недовольство он выразил в письме Печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому: *«Пренебрегше архипастырское наше повеление, списавше книги сами типом издаете без досмотрения и благословения нашего архипастырского. И сие ваша великая неправда... До нашего указу под нашим архипастырским запрещением и под церковною казнию тех книг отнюдь не раздавати»* [6]. Недо-

Богородица. Иконостас Кирилловской церкви. Художник М. Врубель. Вторая пол. XIX в.

подкрепляют свои мнения и тем, что сам священник, а не Дух Святой, является совершителем любого Таинства — minister sacramenti. Он как vice Christus (заместитель Христа), обладает полнотой благодати, как Сам Христос. Поэтому как Христу нет необходимости призывать нераздельного с Ним Святого Духа, так и священнику, как Его заместителю, это не необходимо.

В полемике, возникшей по поводу пресуществления Святых Даров, в очередной раз католическим богословием было продемонстрировано умаление роли Духа Святого в жизни Церкви, низведение его до некоей безличной подчиненной силы. Лишенные освящающей силы Святого Духа слова сводятся к неким магическим формулам, а священник, их произносящий, уподобляется магу, жрецу, которому достаточно лишь произнести эти формулы-заклинания, чтобы обряд совершился.

Такой подход чужд Восточной Церкви, которая бережно сохраняла древнее учение о преложении евхаристических элементов — хлеба и вина — в Тело и Кровь Христовы молитвой священника о призывании Святого Духа, считала эту молитву, наравне с установительными словами Спасителя, самой важной и существенно необходимой частью Таинства Евхаристии. Православному сознанию чуждо искание «тайносовершительной» формулы и точного момента преложения Святых Даров. Для него характерна вера в освятительную силу всего текста евхаристического канона, важность всех частей и молитв литургии. Подчеркивая, что Дух Святой — это не некая безличная сила, а Третье Лицо Пресвятой Троицы, и потому важно Его призывание на предлагаемые Дары, православная литургическая традиция не умаляет значения установительных слов Спасителя. Но сказанные в контексте воспоминания Тайной Вечери в нашей литургии, они имеют исторический смысл. Совершительная же сила придается призыванию Святого Духа, не выделяемому в «тайносовершительную» формулу.

Тех же, кто возымеет желание глубже вникнуть в суть проблемы, отсылаем к фундаментальному исследованию известного литургиста и богослова архимандрита Киприана (Керна) «Евхаристия». М., 1999. *(Ред.)*

вольство патриарха Иоакима задело и св. Димитрия, у которого были отобраны Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. Воспользовавшись личной встречей, Димитрий обратился к патриарху с просьбой благословить его на дальнейшую работу, а также возвратить отобранные книги Макария. Иоаким благословение дал, но Минеи не выдал. Димитрий, в отличие от эмоционального Монастырского, с покорностью принял отказ, не прекратив при этом работу.

Св. Димитрия Ростовского и Иннокентия Монастырского связывала долгая дружба, которая продолжалась до кончины последнего. Во время своих приездов в Киев Димитрий не раз встречался с Иннокентием, ставшим к тому времени настоятелем Кирилловского монастыря. Одна из таких поездок состоялась 9 мая 1693 года. В это посещение Киева святитель встретился также с отцом и сестрами. Памятью о посещении им родной обители осталось «Слово на день Святой

Троицы», произнесенное в июне 1693 года в престольный праздник монастыря. В нем он прославлял Троицу и, между прочим, отмечал, что прославлять — значит уважать: *«Но, как сын уважать отца должен? У людей тот сын отца уважает, который не осмеливается при нем сесть, но стоит, почтительно шапочку сняв»* [7]. Эти слова прозвучали не случайно: среди прихожан непременно присутствовал отец святителя — Савва Туптало, ктитор Кирилловского монастыря, и таким образом знаменитый сын воздал честь и ему. Проповеди, с которыми он обращался к слушателям, отличались человечностью, искренним сочувствием ко всем страдающим, стремлением помочь хотя бы отрадным словом и, очевидно, именно это в значительной мере обеспечивало ему любовь, уважение, популярность среди православного люда.

Но свт. Димитрий был не только выдающимся проповедником. Он оставил потомкам широко известное произведение — грандиозный свод Четьих-Миней — описание житий святых. Здесь особое вниманием он уделяет жизнеописанию солунских братьев — святых Кирилла и Мефодия, а также изучению старинного славянского письма. Наверное, одним из стимулов для этого было пребывание святителя в стенах древней Кирилловской обители, где сохранились единственные в древнерусской монументальной

Игумен Иннокентий Монастырский. Фреска. XVII в. Южный неф Кирилловской церкви

Слева:
Ангел, который сворачивает небо в свиток. Фрагмент композиции «Страшный суд». Фреска XII в. Восточный пилон южного столпа нартекса

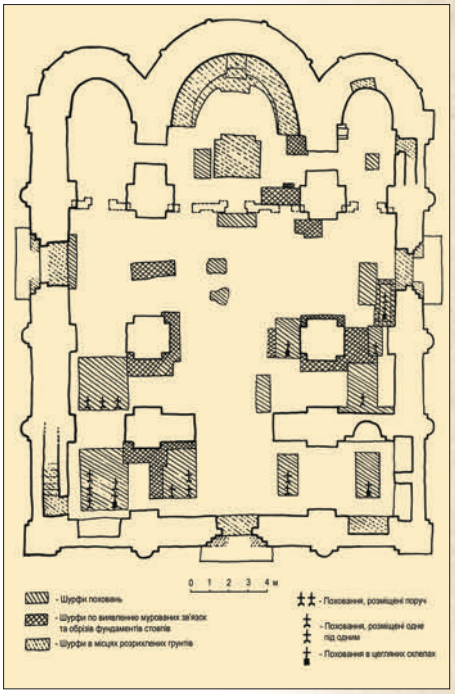
На предыдущей странице:
Интерьер Кирилловской церкви. Вид на центральную апсиду и иконостас работы М. Врубеля. Современная фотография

Сошествие Святого Духа на апостолов. Свод на хорах. Художник М. Врубель. Вторая пол. XIX в.

живописи XII века фресковые изображения равноапостольных Кирилла и Мефодия и их выдающихся учеников — славянских просветителей [8].

Родители святого Димитрия вместе с родней, будучи признательны монастырю за добрую науку, которую сын здесь получил, всю жизнь оставались благодетелями обители. Его мать Мария Михайловна была очень набожной и особо опекала монастырь. Отец Савва Григорьевич до самой кончины был ктитором. Сестры, основавшие при киевской Иорданской церкви женский монастырь и поочередно игуменствовавшие там, помогали Кирилловскому монастырю *«трудами рук своих»*. Одна из них, Параскева Туптало, в 1710 году перед смертью отписала Кирилловскому монастырю *«дом свой отечный близ Притиско — Николая стоячий»*. Завещание было составлено 11 июня 1710 года в момент тяжелой болезни игуменьи.

Учитывая исключительную преданность всей семьи Туптало обители, братия похоронила Савву Григорьевича и его жену Марию Михайловну в самом Кирилловском храме, возле дверей, которые ведут на хоры. Со временем рядом с ними были похоронены сестры святителя — *«в ногах у матери»*, скончавшейся в возрасте 80-ти лет и погребенной в храме в марте 1689 года. Старшая дочь Александра (около 1630–1704) была монахиней Киево-Иорданского монастыря. Дочь Параскева стала игуменьей того же монастыря. Параскева попросила похоронить ее рядом с родителями и постоянно поминать всю семью: *«Молю... отца игумена Свято-Троицкого киевского да по благоутробию своему позволит у месце в церков телу моему грешному, соизволит принят до обители святои двор отчий власный близ Притиско Николы стоячий, дабы за сие поминано душу мою грешную»*. Все свои вещи — две рясы, песцовую и соболью, 9 полумисок, 16 серебряных тарелок, 2 кубка и рострухан, а также новую келью Параскева приказала продать и заплатить ее долги (174 золотых). Старую же келью, в которой она умирала, завещала своим келейницам. Интересно, что Параскева вспоминала и про своего ребенка, за которым должны были присматривать келейницы, а 11 ложек завещала *«на память сыну моему Илье»*. Это опровергает версию о том, что все дети Туптало не вступали в брак, а сразу пошли в монастыри. В конце завещания поставлен крест, поскольку Параскева, в отличие от своего образованного брата, была неграмотной. Документ заверен кирилловским игуменом Евстратием (Самборовичем) [9].



План Кирилловской церкви со схемой расположения захоронений. В северной части нартекса, при входе на хоры, — захоронения семьи Туптало

На северном фасаде Кирилловского храма находятся ныне опустевшие ниши, где когда-то были памятные доски с записями о выдающихся погребениях, устроенных в церкви. «...с наружной стороны церкви по левую сторону есть в стене два углубления, в которых, как говорят очевидцы, были вставлены два образа на меди (в 30 фунтов каждый): один над могилой родителей святого Димитрия Ростовского, а другой над могилой игумена, рукоположившего святого Димитрия в иночество, и что иконы были сняты в 1865 г. для обновления ликов святых...» [10]. Этот недавно найденный автором данной публикации архивный документ (письмо от 5 октября 1869 г.) окончательно определяет доселе неизвестное назначение архитектурных ниш на северном фасаде Кирилловской церкви. Но, самое главное, он предоставляет цен-

Вид Кирилловской церкви с северо-запада. Фотография. Нач. XX в.

ные свидетельства, дополняющие информацию о знаменитых погребениях в этом храме. Не вызывает сомнений, что эти ниши в северной стене были устроены в период игуменства в Кирилловском монастыре св. Димитрия Ростовского и по его личному приказу. Учитывая факт погребения родителей святителя в северной части церкви, вполне естественным было желание увековечить их память надгробной доской, устроенной на внешней стене храма, соответственно захоронениям с северной стороны. Касательно Мелетия Дзика, умершего 7 февраля 1682 года, приведенные выше архивные документы раскрывают еще один доселе неизвестный факт — наличие захоронения Мелетия Дзика в Кирилловской церкви. Учитывая добрые, сердечные отношения между игуменом Мелетием и его знаменитым впоследствии по-

стриженником, становится понятным, почему рядом с надгробной доской в честь родителей святителя была устроена памятная доска, посвященная Мелетию Дзику, его другу и наставнику.

Если погребение родителей и сестер святителя Димитрия Ростовского в северной части нартекса является известным фактом, то наличие погребения в храме игумена Мелетия Дзика стало настоящим открытием, фактом, до сих пор не известным исследователям.

В тех же архивных документах присутствует письмо-ответ на запрос секретаря Статистического комитета, надзирателя кирилловских богоугодных заведений майора Карповича, проясняющее дальнейшую судьбу памятных досок: «...в одном только углублении, а именно над могилой родителей Димитрия Ростовского был образ на меди, который в 1865 г. снят Никитой Коцеваленко для обновления лика, но по приказанию служившего в заведении священника Иоанна Правикова, не допустившего обновить икону, она была поставлена в церкви и потом по его же распоряжению при отлитии колоколов в 1866 г. брошена в плавительную медь служителем Василием Кравченко, о другом образе нельзя собрать сведений...» [11]. К большому сожалению, печальная судьба постигла памятные доски, исчезнувшие из ниш северной стены. Сегодня они воспринимались бы как уникальные памятники-реликвии св. Димитрия Ростовского.

Но в Кирилловском храме существовали и другие святыни, связанные с именем святителя Димитрия. Будучи митрополитом Ростовским, он прислал на гроб своих родителей икону Божьей Матери, которая была фамильной в семьи Туптало, и этим закрепил духовную связь с монастырем. Детальное описание этой иконы можно найти в Трудах III Археологического съезда: «Образ Божьей Матери, стоящий в особом, простой работы, киоте, возле стены по левую сторону. Образ этот небольшой, вышиной он 6 вершков и в ширину 6; не украшен ризой, на главе Божьей Матери есть только венец. Сверху образа написаны такие слова: «По преставлении игуменьи Парфении и Февронии, сестры ее, сей образ Пресвятой Богородицы дано от игуменьи Марфы на воспоминание Архиерея Димитрия Ростовского, что был в обители Святой Троицы монахом и потом там же святителем. Из Ростова прислал в сию же Свято-Троицку обитель лета 1705, Декабря в 5 день. При сем образе, с пра-

Кирилловский холм и храм. Фотография. Кон. XIX — нач. XX в.

Въездные ворота Кирилловского монастыря. Последняя треть XVIII в. Фото начала XX в. На воротах слева надпись «Всероссийский Земский союз», справа — «Госпиталь №1». Слева от ворот видна часть колокольни. И ворота, и колокольня ныне утрачены

вой стороны, стоит и образ св. Димитрия Ростовского, простой живописи, на холсте, в полный рост, в архиерейской мантии, в белом клобуке. С левой стороны, на стене, висит выполненный на холсте портрет отца св. Димитрия, Саввы Туптало» [12].

Это описание относится к 1878 году. А на доске, найденной на хорах Кирилловской церкви в 1870 году, об иконе, присланной из Ростова, сказано:

«...В дар благословенія, деви вспречистой
Со предвечным младенцем, златом обложену
Присла святу икону, лепо украшену 1707 г...» [13].

Очевидно, вначале фамильную икону передали святителю в Ростов его сестры, а позже, в 1705 году, он вручил ее своему племяннику, иноку Свято-Троицкой Кирилловской обители, который и привез ее в Киев[2]. Вероятно, по просьбе свт. Димитрия

[2] Необходимо отметить, что в своих письмах свт. Димитрий Ростовский неоднократно упоминает как своего племянника «черного попа Михаила». Высказываются мнения, что указанные в Синодике Ростовского архиерейского

и названного племянника икону устроили над могилой родителей и почивших к тому времени сестер святителя.

С памятью св. Димитрия Ростовского были связаны стоящие перед иконостасом Кирилловской церкви два аналоя, каждый в виде треугольника с небольшой бляхой сверху. Они были украшены резьбой и предназначались для икон, на обоих было изображение Святой Троицы. На одном надпись: *«Троицы службу днесь тройчный святых дружбу свет Дмитрий в храм семь изобразий зрит на небах во славе»*. Эта надпись является своеобразным напоминанием о том, что в июне 1693 года, в день Святой Троицы, в храме проповедовал свт. Димитрий.

Сцены из жития святых Кирилла и Афанасия Александрийских. Святой Кирилл учит царя. Фреска XII в. Южная апсида

Несмотря на кратковременное игуменство в Кирилловском монастыре — с января по июнь 1697 года — имя святого Димитрия осталось памятным и священным в истории этой обители. Для увековечивания памяти о нем на втором этаже Кирилловской церкви был устроен придел в честь святителя. В 1870 году при разборке иконостаса на хорах в этом приделе была найдена деревянная доска со стихотворной надписью, посвященной святителю Ростовскому, отрывок из которой приведен выше. Позднее на территории монастыря, на месте его кельи, был построен небольшой деревянный храм, посвященный святителю Димитрию и просуществовавший до 1830 года.

Вспоминая этого выдающегося человека, нельзя не отметить, что именно в Кирилловском монастыре зародились те его добродетели, носителем которых на протяжении всей жизни был великий святитель Димитрий, «*Звезда от Киева воссиявшая*», как говорится о нем в церковном песнопении. Становлению этой, безусловно, яркой звезды на небосклоне Православной Церкви благоприятствовали известные церковные деятели того времени — украинские православные епископы, игумены, монахи, в среде которых оказался Димитрий. Без архиепископа Лазаря Барановича, архимандрита Иннокентия Гизеля, игумена Мелетия Дзика, архимандрита Иоанникия Галятовского, игумена Иннокентия Монастырского и других трудно представить полнокровную историю отечественной Православной Церкви. Об-

дома в роду свт. Димитрия монах Афанасий и иеродиакон Пармен, также могли быть племянниками святителя. Известно, что последний был келейником св. Димитрия Ростовского *(Ред.)*.

Интерьер Кирилловской церкви. Вид на княжескую молельню, расположенную на хорах. Современная фотография

щение с ними в сочетании с напряженной самостоятельной интеллектуальной работой содействовало формированию личности свт. Димитрия — пастыря, проповедника, писателя-энциклопедиста, на работах которого воспитывалось не одно поколение православной Европы.

Литература

1. *Клімов В.* Святитель Димитрій. Львів, 1995. С. 11.
2. Там же. С. 17.
3. Дневные записки святого чудотворца Димитрия митрополита Ростовского. М., 1781. С. 20.
4. Там же. С. 67.
5. *Шляпкин И. А.* Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). Спб., 1891. С. 195.
6. АЮЗР. Ч. 1. Т. 5. С. 281, 284.
7. *Шляпкин И. А.* Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). Спб., 1891. С. 460.
8. Марголіна І. Кирилівська церква в історії середньовічного Києва. К., 2001. С. 161–183.
9. *Петров Н. И.* Описание рукописей церковно-археологического музея // Акты КДА. К., 1877. Вып. 2. С. 440. ИР НБУВ. ДА/П. 217, Л. 440–440 об. *Марголіна І.*, *Ульяновський В.* Київська обитель святого Кирила. К., 2005. С. 180–184.
10. ГАКО, ф. 804, оп. 1, д. 602, № 284.
11. ГАКО, ф. 804, оп. 1, д. 602, № 284.
12. *Антонов В.* Киево-Кирилловская Троицкая церковь // Труды III Археологического съезда в Киеве. К., 1878. Т. 2. Приложение. С. 7–12.
13. ГАКО, ф. 804, оп. 1, д. 602.